

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81.38/42

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-44-50

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННЫХ ИСКАНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ СИМВОЛИЗМА: АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Е. А. Станикова, А. В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет, Томск

Представлен опыт сопоставительного анализа образа лирического героя в русской и французской поэзии символизма в аспекте лексических средств экспликации проблемы жизненных исканий и поиска смысла человеческого существования. Предметом рассмотрения выступает специфика организации единиц лексического уровня, участвующих в создании образа лирического героя в поэтических текстах Ш. Бодлера и А. Блока. По-средством использования лексико-семантического, текстологического анализа и с опорой на словарные данные продемонстрировано, что мятежные герои в стихотворениях известных поэтов воспринимают жизнь сквозь трагедийную эстетику символизма. Проблема жизненных исканий лирических героев Бодлера и Блока представлена в динамике и осуществляется в контексте осмысления философской эстетики символизма в целом, а также с учетом особенностей авторского мировоззрения.

Ключевые слова: символизм, Шарль Бодлер, Александр Блок, лирический герой, лексические средства.

Значимым направлением в мировой культуре, определившим ее содержание и вектор развития на десятилетия, является символизм. Основой эстетики символизма считается идеалистическая концепция двоемирия, согласно которой первичным, или истинным, миром является мир идей, а реальный мир представляет собой лишь тень, второй план. Мир идей существует вне времени и пространства, он вечен, именно в нем присутствуют «все подлинные и неизменные категории бытия» [1, с. 20]. И изображение этого мира, постижение его духовной сути – основные задачи авторов-символистов (см., например: [2, 3]).

Шарль Бодлер (1821–1867) – известный поэт и литературно-художественный критик, составляющий наряду с С. Малларме, А. Рембо и П. Верленом четверку самых значимых представителей французского символизма. Каким предстает лирический герой Ш. Бодлера в поэтических текстах, включенных в сборник стихов «Цветы зла» (1857)? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть лексические средства изображения главного персонажа героя в динамике, проанализировав по одному стихотворению из каждого цикла сборника.

В стихотворении «Альбатрос» (цикл «Сплин и идеал») центральным выступает образ птицы, пойманной моряками. Согласно эстетике символизма, каждый поэтический образ характеризуется двойственностью. В данном случае, с одной стороны, альбатрос предстает величественным повелителем

моря: «лазури гордый царь» [4, с. 51]. В то же время «исполненный чувства собственного достоинства, сознающий свое превосходство» [5, с. 138] альбатрос оказывается униженным, подавленным, предстает в образе покалеченного шута: «Тогда, на палубе **распластанный позорно... два белые крыла Влачит беспомощно, неловко и покорно, Как будто на мели огромных два весла**» [4, с. 51]. Гордая птица, олицетворяющая собой властные стихии воды и неба, становится в один момент жалкой. Ось ее перемещения в пространстве меняет направление с вертикального на горизонтальное: **распластанный** – от «распластать» в значении «широко раскрыть; растянуть плащмя, в горизонтальном положении» [5, с. 660]. Образ жалкой, униженной птицы возникает в том числе за счет нанизывания цепочки однородных членов – лексических единиц, маркирующих категорию состояния, актуальный смысл которых отражают семы «беспомощность» и «покорность». Их использование удачно дополняет сравнительный оборот: «**Как будто на мели огромных два весла**». Птица, равновеликая стихиям воды и воздуха, оказывается на суше – в чуждом для нее пространстве. При этом интересна поэтическая деталь: суша в тексте выступает не изначально «сухой», это «мель», т. е. «мелководное место в реке, водоеме» [5, с. 350].

Отношение лирического героя к альбатросу неоднозначно. Создается впечатление, что он осуждает птицу, позволившую себя унижить («жалок ты теперь», «ты гадок и смешон»): «**Тот сует свой чу-**

бук в твой клюв окровавленный; Другой смешишь толпу: как ты, хромает он» [4, с. 51]. Контекст актуализирует в значении выделенных слов, посредством которых создается образ птицы, ключевую сему «ничтожный». Вместе с тем уважение, восхищение по отношению к альбатросу в целом со стороны лирического героя не потеряно. Лирический герой сравнивает себя с этой птицей (опять-таки согласно традиции символизма): *«Поэт, вот образ твой!.. ты – царь за облаками»* [4, с. 51]. Душа лирического героя родственна птице: *«Смеясь над радугой, ты буре вызов илешь!»* [4, с. 51].

«Простертый на земле» и «освистанный шутами» альбатрос больше не сможет развернуть своих «исполнинских крыл» и вернуться в родную среду, где кругом лазурь и просторы вод, где он – царь. Как альбатрос сопровождает моряков во время их плавания, так и лирический герой идет рука об руку на протяжении жизни со слепой, не желающей ничего слушать толпой, но люди «ловят» его, бросают в свою гнилую, по мнению героя, среду. Они топчут его чувства, осмеивают, затыкают рот, чтобы он не попросил пощады и не обличал пороки. Лирический герой, как и альбатрос, не может сопротивляться, поэтому он осуждает сам себя, клеймит себя за свой жалкий вид в реальном мире, оставаясь при этом поэтом в своем идеальном мире, из которого его вытащила толпа. Лирический герой – бунтарь, бросающий вызов «грязной» реальной жизни, наполненной пороками и невежеством. Однако, будучи отравленным ядом социума, он также не сможет развернуть своих «крыльев», проявить всю силу своего творчества, реализовать ее и вернуться в тот идеальный мир, где он всемогущ.

В другом стихотворении сборника Ш. Бодлера «Цветы зла» – «Слепцы» (цикл «Парижские картины») – лирический герой наблюдает за толпой слепцов и, ведя диалог с собственной душой, выражает к ним негативное отношение. Слепцы для героя мерзки и вызывают только смех: *«Душа, смотри на них; они ужасны... Да! Как манекен, смешны, сомнамбулы страшнее»* [4, с. 301]. Прагматику образа слепца из толпы ярко передают сравнения с манекеном и сомнамбулой: *манекен* – «кукла с подвижными конечностями, применяемая художниками для зарисовок. Двигаться как м. (механически, машинально)» [5, с. 341], *сомнамбула* от «сомнамбулизм», т. е. «расстройство сознания, при котором во сне автоматически совершаются привычные действия, лунатизм, снохождение» [5, с. 747].

Слепцы лишены зрения совсем, т. е. абсолютно не могут воспринимать свет: *«Но тем в безвестный мрак вонзаются сильнее Зрачки, где луч небес померкнул навсегда»* [4, с. 301]. Однако лирический герой понимает, что это страдание: из-за сво-

его уродства люди не могут воспринимать идеальный мир, «мир неба». И все же они устремляют свой взор вверх, не опуская головы, полные надежды увидеть хоть что-нибудь. Единственное, что есть в жизни слепца, – это окружающие его *«Безмолвие и мрак, как два ужасных брата»* и звуки города, слышать которые он способен: *«Когда же заревет пред ними город шумный»* [4, с. 301].

Лирический герой понимает слепых, хотя он не был изначально лишен зрения и мог воспринимать идеальный мир. Но он оказался в этой среде, как следствие – утратил способность «видеть» и теперь ощущает ту же невозможность познания мира, поэтому и сравнивает себя с незрячими: *«Несчастный, как слепцы»* [4, с. 302]. Лирический герой, наблюдая за поведением слепцов, осознает его бессмысленность: *«...слепцам бросаю я: „Что ищете в небесах, слепцы, ваш взор безумный?“*». По мысли Бодлера и его лирического героя, жизнь трагична и бессмысленна, надежды на прозрение и обретение смысла жизни нет. Неслучайно автор лишает толпу зрения – основного из органов чувств, посредством которого люди познают мир.

В стихотворении третьего цикла «Вино» – «Вино отшельника» – лирический герой, пребывая в одиночестве, размышляет о силе воздействия алкоголя. Его больше ничего не радует, не дает подъема духа: *«Ни взгляд прелестницы, изысканный и нежный, Скользящий вкрадливо, как белый луч луны, На лоне озера родивший рябь волны, Купающей в себе красу луны небрежной»* [4, с. 355]. Ничто и никто не может избавить его от мучительного удрученного состояния: *«Ни тощий кошелек в кармане игрока, Ни жадный поцелуй иссохшей Аделины, Ни отзвук музыки, как дальний стон кручины, Нас опьяняющий и сладкий, как тоска»* [4, с. 355]. Не выдерживая давления одиночества, он обращается к вину: *«Нам не заменят твой пронзающий бальзам, Бутылка; он, на дне глубоких недр сокрытый»* [4, с. 355]. Эпитет «пронзающий бальзам», на взгляд авторов, употреблен в значении «глубоко проникающий целебный напиток, восстанавливающий силы»: *«Льет в душу молодость, и жизнь, и гордость нам, Спешит восстановить поэта дух разбитый...»* [4, с. 355]. Не находя смысла жизни в реальном мире, лирический герой готов окунуться в состояние опьянения, чтобы хотя бы на какое-то время ощутить легкость бытия и наслаждение: *«Вино, хвала тебе! ты – гордость бедняков, Ты превращаешь их в ликующих богов!»* [4, с. 355].

От цикла к циклу лирического героя настигает все большее разочарование в социуме, в привычных для многих остальных людей вещах. Путь обретения им смысла своего существования заходит в тупик. Так, в стихотворении «Разрушение»,

входящем в цикл «Цветы зла», постоянным спутником измученного, лишённого сил и несчастного лирического героя является злой дух, заставляющий поэта страдать: «*Меня преследует Злой Дух со всех сторон; Неосвязаемо вокруг меня витая, Нечистым пламенем мне грудь сжигает он*» [4, с. 359]. Злая сущность, зная слабости героя, искушает его грехом в то время, когда поэту случается ощутить прилив творческих сил: «*То, образ женственно-пленительный приняв, Когда душа полна святого вдохновенья*» [4, с. 359]. Злой дух мерзок поэту, он гадкий и двуличный, все, что тот делает, – опаивает героя: «*Весь – лицемерие средь мерзостных забав, Мои уста сквернит напитком преступленья*» [4, с. 359]. Зло силой уводит героя в «пустыни мертвые», «где скука, страх и ночь» [4, с. 359] и, насмехаясь над несчастным героем, являет свой лик, который вызывает страх и отвращение: «*Одежд нечистых кровь и ран разверстых гной*» [4, с. 359]. Лирический герой, наблюдая все это, понимает, что скоро его ждет смерть, так как злой дух «час кровавого готовит Разрушенья» [4, с. 359]. В контексте ключевое слово – *разрушенья* (от «разрушить», т. е. «ломаю, уничтожить, превратить в развалины» [5, с. 654]). Автор показывает негативную динамику в мироощущении лирического героя, в душе которого нет уже места чему-то светлому. В стихотворении поэт настолько слаб, что у него нет ни сил, ни желания сопротивляться духу. Герой смиренно принимает все то, что преподносит ему эта злая сущность, он готов смиренно принять грядущую смерть.

В стихотворении «Молитва» (цикл «Мятеж») смыслообразующим видится его название. Молитва здесь – это некое обращение к Сатане как к чему-то возвышенному и всемогущему. Ср. с данными словаря: «*моление – это обращение к Богу, к святым*» [5, с. 362]. Лирический герой осознает свои грехи и ощущает слабость и немощь перед теми искушениями, которым подвергается. Он просит помощи не у Бога, который допустил все его страдания, а у Сатаны, лирический герой воспекает его: «*Тебе, о Сатана, мольбы и песнопенья!*» [4, с. 401]. Для лирического героя Бодлера неважно, где находится этот властитель тьмы: «*О, где бы ни был ты: в лазурных небесах, Где некогда царил, иль в адских пропастях, Где молча опочил в час страшного паденья*» [4, с. 401]. Своими мольбами герой бросает вызов окружающему его обществу, миропорядку и Богу. Поэт взывает о помощи к Сатане: «*Пошли душе моей твой непробудный сон Под деревом роковым добра и зла познанья*» [4, с. 401]. Просьба умертвить его под деревом познания очень символична: герой познал, что есть добро и зло, и хочет умереть в знак этого именно там. Особенно важно, что дерево оказалось

роковым для героя, т. е. имеющим «*тяжелые или гибельные последствия*» [5, с. 683]. Сатана видится лирическому герою величественным и огромным, как храм, который покрывает тенью все, что рядом с ним: «*Когда твое чело, как храма очертанья, Ветвями осенит оно со всех сторон!*» [4, с. 401].

Итог саморазрушения лирического героя описан в последнем цикле сборника «Цветы зла». Название цикла символично – «Смерть». В одном из ключевых стихотворений цикла – «Мечта любопытного» – говорится о том, что лирический герой, познав все, что только возможно, жаждет открыть для себя самую главную и важную тайну: что же будет после смерти. Для него это желание становится мечтой, для достижения которой необходимо проделать сложный путь. Лирический герой одинок, его никто не может понять, так как никто не может воспринимать мир так, как воспринимает он. Подчеркивая эти болезненные чувства, он обращается к читателю: «*Тоску блаженную ты знаешь ли, как я? Как я, ты слышал ли всегда название: „Странный“?»*» [4, с. 411]. Истерзанная душа героя погибает, совмещая внутри себя одновременно и желание покинуть этот мир, и страх перед смертью. С каждым мгновением ему все сильнее хочется покинуть ставший окончательно чуждым ему мир: «*Чем меньше сыпалось в пустых часах песка, Чем уступала грусть послушнее надежде, Тем тоньше, сладостней была моя тоска; Я жаждал кинуть мир, родной и близкий прежде*» [4, с. 411]. Смерть представляется ему неким зрелищем, представлением, на котором он смог бы увидеть нечто совершенное, прекрасное, и герой с нетерпением его ждет: «*Тянулся к зрелищу я жадно, как дитя, Сердцясь на занавес, волнуясь и грустя...*» [4, с. 411].

Однако то, что поэт увидел, потрясло его до глубины души: в смерти не оказалось скрыто ничего прекрасного, будоражащего душу: «*Но Правда строгая внезапно обнажилась: Зарю ужасную я с дрожью увидал, И понял я, что мертв, но сердце не дивилось*» [4, с. 411]. Лирический герой не мог поверить, что правда окажется настолько суровой, и даже после «поднятия занавеса» он не терял надежды и хотел увидеть и почувствовать хоть что-то, но все оказалось тщетно.

Итак, лирический герой в сборнике стихов Ш. Бодлера «Цветы зла» проходит сложный жизненный путь, который преподносит ему самые тяжелые испытания. В первом цикле он изображается затянутым в гущу социальной среды, которая терзает и испытывает его, поэт пытается бороться, но все тщетно, его талант начинает затухать. В следующем цикле показано, что перед лирическим героем предстает город, наполненный слепцами, лирический герой сочувствует им и ощущает себя та-

ким же несчастным, так как ему теперь тоже недоступен его идеальный мир, где он мог творить. Герой сталкивается с непониманием, одиночеством, что заставляет его еще сильнее страдать, поэтому он обращается к вину, которое становится единственным средством спасения умирающей души, поэт чувствует прилив жизненных и творческих сил только в состоянии опьянения. Но со временем, когда и вино перестает ему помогать, приходит осознание собственной порочности и бесполезности. Поэт чувствует рядом с собой нечто темное и зловещее, которое заставляет его обращаться к порочным деяниям, во время «святого вдохновения». Злой дух уводит его в темный мир, готовит к смерти. Лирический герой готов смиренно принять грядущую смерть, именно поэтому, бунтуя против сложившейся системы и против Бога, который заставил героя страдать, молит Сатану предать его смерти. Его главным желанием становится вечный сон под древом познания добра и зла. Место символично – герою известно, что есть добро и зло. И вот лирический герой в ожидании «зрелища», он настолько сильно хочет узнать, что же будет после смерти, что его переполняют эмоции. Однако, когда поэт умер, ему обнажилась суровая правда: он не увидел того идеального, прекрасного мира, о котором мечтал. Путь жизненных исканий лирического героя Ш. Бодлера трагичен, и даже смерть не приносит ему удовлетворения и искупления.

Как решается проблема жизненных исканий лирических героев в русле русской традиции символизма? Как известно, русский символизм в своей философии и эстетике также опирался на идеалистическую концепцию двоимирия. Однако специфика русского символизма заключается в «своеобразном религиозном аспекте в понимании искусства и творчества (отталкиваемом от философии всеединства Вл. Соловьёва), который вырабатывает у русских символистов желание отбросить идею элитарности искусства („искусство для искусства“») [6, с. 1].

В научной литературе нередко можно встретить исследования, авторы которых проводят параллели между творчеством Ш. Бодлера и А. Блока, Блок именуется «русским Бодлером» (см., например: [7, 8]).

Александр Александрович Блок (1873–1928) – писатель и переводчик, публицист, литературный критик, который наряду с А. Белым, В. Брюсовым и др. является одним из крупнейших русских поэтов-символистов. Рассмотрим в динамике специфику лирического героя в поэзии А. Блока, проявившуюся в сборниках его стихотворений 1898–1904, 1904–1908, 1907–1916 гг. В качестве материала для анализа возьмем по одному стихотворению из каждого цикла сборника. Используя контексту-

альный и лексико-семантический анализ, исследуем особенности лексических средств изображения образа лирического героя.

В стихотворении «Измучен бурей вдохновения...» (цикл «Ante lucem») лирический герой изображен уставшим от своей бурной земной жизни и от прилива его собственных творческих сил. Он желает покинуть этот мир: «*Измучен бурей вдохновенья, Весь опален земным огнем*» [9]. Покалеченный душевно и лишенный сил, он осознает свои ошибки и в поисках искупления обращается к Богу: «*Язычник стал христианином И, весь израненный, спешил Повергнуть ниц перед единым Остаток оскудевших сил*» [9]. Бог и сам божественный мир видится герою абсолютным идеалом, способным ему помочь, однако высшие силы не дают ответа. Однако целебным оказывается даже само обращение к ним: «*Стучусь в преддверьи идеала, Ответа нет...», «Господь не внял моей молитве, Но чую – силы страстных дней Дохнули раненому в битве, Вновь разлились в душе моей*» [9]. Несмотря на временный прилив сил, в душе лирического героя остаются глобальные вопросы, на которые он так и не находит ответа. Это терзает лирического героя: «*Мне непонятно счастье рая, грядущий мрак, могильный мир*» [9]. В итоге он вновь возвращается к прежней вольной жизни: его увлекает «*язычица младая*» и «*зовет на дружественный пир*» [9].

Осмысление своего пути, своего предназначения лирическим героем Блока продолжается дальше. В стихотворении «Я вам поведал неземное...» (цикл «Город») лирический герой противопоставляет себя другим людям, подчеркивает свою исключительность. Поэт мыслит себя пришедшим из вне, обособленным от всего общества, он преподносит людям то, что известно только ему: «*Я вам поведал неземное. Я все сковал в воздушной мгле*» [10, с. 212]. Ср. с данными словаря: «Неземное – сверхъестественное, чрезвычайное, исключительное» [5, с. 406].

Лирический герой пытается сблизиться с людьми посредством своего творчества, которое мыслится им как корабль, ладья. Им движет мечта – некая «*отважная красота*», которую он ищет «*в каждом доме, в каждой кровле*» [10, с. 212]. Устремленный на поиски красоты («*всего красивого, прекрасного, всего того, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение*» [5, с. 304]), герой разочаровывается. То, что предстает перед его взором, противоречит идеалам, «*скамья ладьи красна от крови*», так как мечта разрушена: «*Я вижу: ваши девы слепы, У юношей безогнен взор*» [10, с. 212]. В данном контексте внимание привлекает окказионализм *безогнен* в значении «лишенный внутреннего горения, страсти» [5, с. 444].

Лирический герой гонит таких людей «во мглу», в «глухие склепы», так как они лишены черт «отважной красоты». Подчеркивая свою исключительность, герой предвещает людям скорое расставание («*И скоро я расстанусь с вами*»), для себя мыслит же воссоединение с высшим, божественным: «*И вы увидите меня Вон там, за дымными горами, Летящим в облаке огня!*» [10, с. 212]. Лирический герой настойчиво обращает внимание на свою исключительность и обособленность от других людей, он не намерен принимать ту обыденность, серость людей, стремится к возвышенному идеалу, в отличие от общества.

Рассмотрение духовного состояния лирического героя в динамике позволяет говорить о частых и резких перепадах в его настроении и мироощущении. Душа героя – колеблющаяся и мятущаяся, постоянно пребывающая в состоянии выбора между покоем и бурей, обществом и одиночеством. Так, в стихотворении «Милый друг, и в этом тихом доме...» (цикл «О чем поет ветер») лирический герой предстает погруженным в удрученное состояние, он не может найти себе места в жизни, это заставляет его страдать. И, обращаясь к некому «другу», он делится своими переживаниями: «*Милый друг, и в этом тихом доме Лихорадка бьет меня. Не найди мне места в тихом доме Возле мирного огня!*» [10, с. 453]. Состояние лихорадки с жаром и ознобом – метафора, подчеркивающая болезненность метаний героя. Героя мучает ощущение приближения чего-то неизбежного. Всё вокруг: звуки, уют в доме, вызывает страх у поэта: «*Голоса поют, взывает вьюга, Страшен мне уют...*» [10, с. 453]. Лирический герой осознает скорое приближение своей смерти, чувствует, как она дышит ему в спину, следит за ним: «*Чьи-то очи стерегут!*» [10, с. 453]. Он слышит «трепет крыл» [10, с. 453] приближающейся гибели. К поэту является ангел смерти и не сводит с него глаз: «*Бьет в меня светящими очами Ангел бури – Азраил!*» [10, с. 453]. Лирический герой Блока так и не находит своего места в жизни, он готов принять смерть и не страшится ее, ведь ему чужд уют земной жизни. Самое главное для него – постижение идеала, который можно достичь, лишь познав, что такое смерть.

Итак, лирический герой А. Блока проходит сложный путь жизненных исканий. Изначально он, уставший от земной жизни, которая только вытягивает из него силы, просит смерти у Бога. Бог не исполняет его желания, однако дарует ему новые силы. Полный энергии, поэт вновь пускается получать удовольствие от земной жизни. Затем он осознает свою исключительность. Считает, что у него есть возвышенная миссия «поведать неземное», найти «отважную красоту» среди обычных людей. Однако, полностью окунувшись в социальную сре-

ду, поэт разочаровывается в своем предназначении и вообще в том, что он нужен в этом мире, предвещает скорое прощание и уход в небесный, идеальный мир. Все последующее время он рефлексировал над ощущением собственной чуждости миру и одиночества. Ему страшен «уют» реальной жизни. Лирический герой чувствует приближение смерти, он ждет ее как избавление. Ангел смерти – Азраил – становится его спутником, проводником в идеальный мир.

Таким образом, в осмыслении проблемы жизненных исканий лирических героев Ш. Бодлера и А. Блока можно наметить как сходные, так и отличительные тенденции. Самым главным сближающим фактором, который является общим для всех поэтов-символистов, выступает поиск высшего, неизведанного идеала, к которому стремится лирический герой на протяжении всего жизненного пути. Однако видение идеала у героев различается: герой Бодлера считает высшим идеалом мир неба, в котором он когда-то был: «*Поэт, вот образ твой!.. ты – царь за облаками!*» [4, с. 51]; а для героя А. Блока это нечто неизведанное, он не знает что за вселенная за гранью: «*Мне непонятно счастье рая, Грядущий мрак, могильный мир...*» [9].

Оба лирических героя вступают в противоречие с социумом, сдерживающие рамки поведения в котором не дают дышать полной грудью. Однако герой Бодлера оказался в социальной среде не по своей воле. Общество не приняло поэта, отвергло его творчество. Герой Бодлера пытается противостоять толпе как олицетворению социума, но все его попытки тщетны. Он только впустую растрчивает жизненные силы и талант.

Герой А. Блока взращен социумом, в котором кипят земные страсти. С одной стороны, этот накал душевных сил служит сильным стимулом для творчества, с другой – быстро утомляет героя. Изможденный, он теряет жизненные силы, и талант его тоже начинает затухать: «*Измучен бурей вдохновенья, Весь опален земным огнем*» [9]. Именно поэтому он обращается к Богу за спасеньем в виде смерти. Но Бог не дает герою избавления, наоборот, дарует новые силы для жизни в кругу земных наслаждений.

На следующем этапе оба героя сталкиваются лицом к лицу с обществом, непосредственно к нему обращаются. Они видят, что люди слепы, а значит, не способны увидеть идеальный мир, постичь его смысл. Это осознание ничтожности и беспомощности людей приводит героев к разочарованию. Видение идеального мира у героев различается: для героя Бодлера постижение идеального мира возможно лишь путем исцеления от яда социальной среды и обретения зрения. Ни общество, ни сам герой на это не способны. Разочарован-

ный герой обращается к алкоголю как к единственному средству спасения: «Вино, хвала тебе!» [4, с. 355]. Для героя А. Блока обрести счастье в социуме возможно лишь при условии понимания окружающими того неземного знания (знание есть Бог), которое несет поэт в общество. Но слепые очи девушек и лишённые огня глаза юношей приводят героя к унынию, он предвещает свое скорое прощание с непонимающим его обществом и свое божественное возвышение: «И вы увидите меня Вон там, за дымными горами, Летящим в облаке огня!» [10, с. 212].

Лирических героев начинают преследовать сущности, предвещающие скорую смерть. У Бодлера это злой дух, предлагающий поэту смерть как путь избавления от страданий и обретения покоя. Герой готов смиренно принять смерть, которую так долго ждал. Помощи поэт в знак протеста просит не у Бога, который допустил его страдания, а у Сатаны. Герой А. Блока остается «верен христиан-

ским идеалам» [11, с. 167]: «Язычник стал христианином И, весь израненный, спешил Повергнуться перед единым...» [9].

Герой Бодлера умирает и после смерти ожидает увидеть нечто прекрасное, возвышенное, он в ожидании «зрелища», его переполняют эмоции. Однако ему и после смерти предстоит испытать разочарование: он не увидел того идеального, прекрасного мира, о котором мечтал. Герой Блока лишь ощущает, что его преследует ангел смерти, но в конце он не умирает, финал остается открытым.

Таким образом, лирические герои Ш. Бодлера и А. Блока – мятущиеся натуры, стремящиеся обрести смысл жизни, состоящий, согласно философии и эстетике символизма, в постижении высшего идеала. Специфика жизненного поиска каждым из героев обусловлена национальными и культурными различиями, а также особенностями авторской картины мира, как концептуальной, так и языковой.

Список литературы

1. Жук М. И. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 20–23.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Бернат О. С. Концептуальные основы символизма: философско-эстетические и лингвистические аспекты // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. 2014. № 14. С. 46–49.
4. Бодлер Ш. Цветы зла: стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 448 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Блискивицкий А. А. Философско-эстетические основы русского символизма // Вестн. славянских культур. 2011. № 19. С. 31–42.
7. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока // Уральский филол. вестн. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 5–14.
8. Тимашева О. В. Реплики и комментарии к модели «русского Бодлера» // Соловьевские исследования. 2016. № 1. С. 137–155.
9. Электронная библиотека Lib.ru. Классика. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0050.shtml (дата обращения: 17.04.2018).
10. Блок А. А. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1988. 455 с.
11. Борзых О. В. Личность и творчество А. Блока в оценке журнала «Диалог» (1980) // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 164–168.

Стамикова Екатерина Андреевна, студентка, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: stamikowa.katerina@yandex.ru

Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: kurjanovich.anna@ Rambler.ru

Материал поступил в редакцию 14.06.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-44-50

THE PROBLEM OF THE LIFE-SIZED LYRIC HEROES IN THE RUSSIAN AND FRENCH POETRY OF SYMBOLISM: ANALYSIS OF LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION

E. A. Stamikova, A. V. Kuryanovich

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article presents the experience of comparative analysis of the image of the lyrical hero in Russian and French poetry of symbolism in the aspect of lexical means of explicating the problem of life searches and searching for the meaning of human existence. It is demonstrated that the essence of the philosophical aesthetics of symbolism lies in

the knowledge of the world on the basis of the idealistic concept of duality, according to which the world of ideas is considered true, and the real world is recognized as imperfect. The subject of consideration is the specificity of the organization of lexical level units involved in creating images of the lyric hero in the poetical texts of S. Baudelaire and A. Blok. Through the use of lexical-semantic, textological analysis and with reference to the dictionary data it is demonstrated that the rebellious heroes of famous poets perceive life through the tragedy aesthetics of symbolism. The problem of vital searches of lyric heroes Baudelaire and Blok is presented in dynamics and is realized in the context of understanding the philosophical aesthetics of symbolism in general, and also taking into account the characteristics of the author's worldview. In the comprehension of the problem of life searches of lyric heroes Sh. Baudelaire and A. Blok it is possible to outline both similar and distinctive tendencies. Differences are due to national and cultural characteristics, as well as the specific nature of the author's picture of the world, which as a whole determined the selection of lexical units in the structure of the analyzed poetic texts.

Key words: *symbolism, Charles Baudelaire, Alexander Blok, lyrical hero, lexical means.*

References

1. Zhuk M. I. *Istoriya zarubezhnoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka* [The history of foreign literature of the late XIX – early XX century]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. Pp. 20–23 (in Russian).
2. Belyy A. *Simvolizm kak miroponimaniye* [Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (in Russian).
3. Bernat O. S. Kontseptual'nyye osnovy simvolizma: filosofsko-esteticheskiye i lingvisticheskiye aspekty [Conceptual foundations of symbolism: philosophical-aesthetic and linguistic aspects]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*, 2014, no. 14, pp. 46–49 (in Russian).
4. Bodler Sh. *Tsvety zla: stikhotvoreniya* [Flowers of Evil: Poems]. Saint-Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2012. 448 p. (in Russian).
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).
6. Bliskavitskiy A. A. Filosofsko-esteticheskiye osnovy russkogo simvolizma [Philosophical and aesthetic foundations of Russian symbolism]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2011, no. 19, pp. 31–42 (in Russian).
7. Spodarets N. V. K probleme khudozhestvennoy kontseptualizatsii fenomena cheloveka v lirike Sh. Bodlera i A. Bloka [To the problem of the artistic conceptualization of the phenomenon of man in the lyrics of S. Baudelaire and A. Blok]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya – Ural Journal of Philology. Russian literature of 20 and 21 Centuries: Directions and Streams*, 2012, no. 1, pp. 5–14 (in Russian).
8. Timasheva O. V. Repliki i komentarii k modeli "russkogo Bodlera" [Remarks and comments on the model of the "Russian Baudelaire"]. *Solov'yovskiy issledovaniya – Solovyov Studies*, 2016, no. 1, pp. 137–155 (in Russian).
9. *Elektronnaya biblioteka Lib.ru. Klassika* [Lib.ru electronic library. Classics] (in Russian). URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0050.shtml (accessed 17 April 2018).
10. Blok A. A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 455 p. (in Russian).
11. Borzykh O. V. Lichnost' i tvorchestvo A. Bloka v otsenke zhurnala "Dialog" (1980) [Personality and creativity of A. Blok in the evaluation of the magazine "Dialogue" (1980)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, no. 2, pp. 164–168 (in Russian).

Stamikova E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: stamikowa.katerina@yandex.ru

Kuryanovich A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru